

Л.Г. Коновалова

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ДОГОВОРЫ И НОРМООРИЕНТИРУЮЩИЕ АКТЫ СУДОВ КАК НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКОГО ПРАВА: АНАЛИЗ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА

Проводится анализ нормативных правовых договоров и нормоориентирующих актов судов через призму соблюдения принципа верховенства закона. Обращается внимание на то, что в настоящее время в законодательстве практически отсутствуют четкие правила относительно заключения и исполнения нормативных договоров. Рассматриваются проблемы, связанные с фактическим вторжением судебной власти в прерогативу законодателя при принятии нормоориентирующих актов судов.

Ключевые слова: верховенство закона; нормативный правовой акт; нормативный правовой договор; судебный прецедент; акты судов.

Признание принципа верховенства закона вытекает из конституционной характеристики Российской Федерации как правового государства, а также из ст. 15 Конституции РФ, признающей высшую юридическую силу Основного закона страны и обязывающей органы публичной власти и граждан соблюдать законы.

Принцип верховенства закона должен действовать не только в системе нормативных правовых актов, но и в отношении иных источников права, которые с 90-х гг. XX в. активно развиваются в Российской Федерации. В первую очередь, это касается нормативных договоров. К таковым относятся договоры между РФ и субъектами РФ в федеративной сфере, соглашения о передаче полномочий или совместных действиях между различными органами исполнительной власти, в том числе и разноуровневыми, а также между органами власти и организациями. Появление подобного источника права было достаточно новаторским, поскольку предполагало внедрение в публичное право частно-правовых элементов воздействия.

Однако к настоящему времени использование нормативных договоров идет на спад. Так называемый Федеративный договор 1992 г., фактически представляющий собой три договора между Россией и ее публично-территориальными образованиями [1–3], после принятия Конституции РФ действует лишь в части, не противоречащей Основному закону. С 2000 г. в рамках процессов централизации государственности была расторгнута основная масса договоров о распределении предметов ведения и полномочий между РФ и ее отдельными субъектами. Из 42 таких договоров к июню 2003 г. действовало 9 [4. С. 127], а в настоящее время – только один (с Республикой Татарстан) [5]. В Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [6] с 2003 г. установлены жесткие требования к заключению договоров о разграничении полномочий: оно допускается только в случае, если это обусловлено экономическими, географическими и иными особенностями субъекта РФ, которые не могут быть отражены в федеральном законе.

Этим же законом ужесточены и правила заключения соглашений между органами исполнительной власти: соглашения заключаются в случае, если осуществление части полномочий не может быть возложено федеральным законом в равной мере на исполнительные органы государственной власти субъекта РФ. Поэтому сегодня преимущественно передача полномочий на уровень органов исполнительной власти субъектов РФ осуществляется законом. В трудовой сфере соглашения либо не принимаются, либо являются малоэффективными в силу слабости позиций отечественных профсоюзов [7. С. 15]. Поэтому из всех видов нормативных договоров самыми распространенными являются административные договоры между органами исполнительной власти о взаимодействии, predeterminedные потребностью сотрудничества между органами власти в процессе осуществления своих полномочий.

Однако в целом в части нормативных договоров правила их принятия, условия заключения и юридические последствия слабо урегулированы в законодательстве. Поэтому на практике возникает достаточно много вопросов. Например, можно ли считать соглашения о передаче полномочий от органа исполнительной власти РФ органу исполнительной власти субъекта РФ именно нормативными договорами, если они могут вступать в действие только после утверждения распоряжением Правительства РФ? Что делать, если подобное соглашение предусматривает финансирование, не сопоставимое с объемом переданных полномочий? Могут ли нормативные правовые соглашения в трудовом праве содержать в себе не только общие принципы, характеризующие условия труда, но и конкретные нормы права? Почему взаимодействие органов исполнительной власти в каких-то случаях оформляется соглашением, а в каких-то совместным приказом ведомств? Каковы четкие юридические последствия неисполнения нормативных договоров? Подобного рода вопросы до настоящего времени не получили своего разрешения ни в законодательстве, ни в юридической науке.

С учетом этого факта представляется более оптимальным в публичном праве по возможности использовать для правового регулирования форму нормативного правового акта, поскольку эта форма

предполагает более четкие способы обеспечения верховенства права. В тех же сферах, где регулирование предполагает инициативу «снизу» (трудовое право, соглашения о взаимодействии между органами власти и организациями в административной сфере), требуется совершенствование институтов гражданского общества.

Еще одним новым источником российского права являются нормоориентирующие акты судов. Признание этого источника права все еще носит дискуссионный характер. Некоторые авторы до сих пор указывают на недопустимость его непосредственного применения в правовой системе России, близкой к романо-германской семье [8. С. 8–17]. Хотя такая позиция с учетом сложившейся практики, пожалуй, уже может рассматриваться как архаичная. Основной спор сегодня ведется уже не в части признания или непризнания этого источника, а в отношении того, как его именовать – «судебный прецедент», «судебная практика», «акт судебного толкования», «судебная правовая позиция» или как-то по-другому, а также в отношении уровня суда, способного «творить право» и составной части судебного решения, которую можно признать нормой права [9. С. 5–16; 10. С. 49; 11. С. 19–25].

Это достаточно сложные вопросы, требующие отдельного исследования. Для целей настоящей работы будем исходить из признания факта использования в России в качестве источника права нормоориентирующих актов судов, под которыми подразумеваются, в первую очередь, акты Конституционного Суда РФ, предлагающие толкование конституционных норм, признающие нормы права противоречащими Конституции РФ (т.е. когда Конституционный Суд РФ выступает в качестве «негативного законодателя»), а также правовые позиции Конституционного Суда РФ (т.е. система имеющих нормативное значение аргументов Конституционного Суда РФ при принятии тех или иных решений). Также к числу источников права в данной работе будем относить акты иных высших судов, обобщающих практику (постановления пленума, обзоры практики и т.п.), решения высших и иных судов, признающие нормативные акты недействующими в силу их противоречия актам, имеющим большую юридическую силу (т.е. ситуации, когда суды общей юрисдикции и арбитражные суды могут выступать в роли «негативного законодателя»).

Проявление принципа верховенства закона в отношении этих источников своеобразно, поскольку суд в подобных случаях принимает на себя несвойственную ему по общему правилу функцию правотворчества и начинает конкурировать с законодателем. Поэтому вопрос проявления принципа верховенства закона во взаимоотношениях «парламент – суд» во многом связан с политикой и системой разделения властей, с необходимостью использования некоего самоограничения суда от чрезмерного вторжения в правотворческую сферу, с глубоким и неоднозначным вопросом о соотношении права и закона.

В этом плане роль отечественных судов, как правило, позитивно оценивается. Конституционный Суд РФ достаточно активно и успешно «стоит на страже» защиты конституционализма, суды общей юрисдик-

ции и арбитражные суды, признавая нормативные акты недействующими, способствуют укреплению законности в стране, обобщения практики высших судов позволяют единообразно понимать и применять содержащиеся в законе нормы права.

Вместе с тем имеют место отдельные случаи несогласованности норм позитивного закона и сложившейся правоприменительной практики. Иногда встречаются ситуации, когда суды с очевидностью придают норме права иной смысл, нежели заложено в законе. Например, исходя из смысла ГПК РФ сторона имеет право на возмещение судебных расходов [12], однако Пленум Верховного Суда РФ ограничил это право применительно к делам об установлении фактов и некоторых других неимущественных требований [13]. Или при буквальном прочтении КоАП РФ истечение срока давности привлечения к административной ответственности относится к обстоятельствам, исключающим производство по делу об административном правонарушении на любой стадии производства [14]. Но согласно разъяснениям Верховного Суда РФ истечение срока давности может влечь за собой прекращение производства по делу только до стадии пересмотра [15]. В большинстве случаев такие разночтения обусловлены объективными потребностями и вдумчивым восприятием закона судами. Так, в последнем случае ограничительная трактовка нормы Верховным Судом РФ предопределена стремлением пресечь необоснованные случаи ухода от ответственности в связи с намеренным затягиванием весьма коротких сроков давности. Хотя встречаются и не вполне понятные для специалистов рекомендации высших судов, в том числе и первый рассмотренный пример.

В отечественной правовой системе можно встретить ситуации не только очевидного противоречия нормы закона и придаваемого ей значения в решениях высших судов, но и случаи коллизий правовых позиций судов по одному и тому же вопросу. Например, 28 декабря 2009 г. был принят Федеральный закон № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ» [16], который в ст. 8 установил правило о том, что если федеральными законами предусмотрено государственное регулирование цен на отдельные виды товаров, цены на такие товары устанавливаются в соответствии с указанными федеральными законами, а также принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления.

В связи с применением этого правила сложилась коллизия позиций Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. По мнению Верховного Суда РФ, высказанного в 2010 г., в условиях отсутствия федерального закона о государственном регулировании цен, надбавки к ценам не могут устанавливаться иными нормативными актами, в том числе на уровне субъектов РФ и муниципалитетов [17, 18]. Высший Арбитражный Суд РФ в том же 2010 г. пришел к выводу о действии до принятия закона о регулировании цен ранее изданного Постановления Правительства РФ, допускавшего государственное воздействие на цены [19].

Номы УПК РФ [20] о допустимости доказательств также получают разноплановую трактовку применительно к ситуации явки с повинной при проведении оперативно-розыскных мероприятий при отсутствии защитника и при наличии последующего отказа от самообвиняющих сведений лица, привлекаемого к ответственности [21].

С одной стороны, имеются акты Конституционного Суда РФ, указывающие на недопустимость доказательств, которые получены в ходе оперативно-розыскных мероприятий или других следственных действий в отсутствие защитника [22]. С другой стороны, в иных актах Конституционного Суда РФ речь ведется о допустимости таких доказательств [23]. Верховный Суд РФ рекомендует судьям общей юрисдикции не сомневаться в юридической силе доказательств, полученных от лиц при явке с повинной в отсутствие квалифицированной юридической помощи [24].

Подобные разночтения, как правило, негативно воспринимаются в юридической науке. Соответственно, предлагаются варианты устранения такого рода коллизий, в том числе усиление значимости конституционно-правового контроля, создание единого судебного присутствия, более конкретная регламентация системы «сдержек и противовесов» [25. С. 163], выработка критериев признания правоприменительного акта прецедентом [26. С. 32–42] и т.д.

Однако судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев обращает внимание на то, что рассматриваемые ситуации следует воспринимать еще и с положительной стороны. Основываясь на идеях открытого общества К. Поппера, дискурсивной демократии Ю. Хабермаса и немецкой доктрине пропорциональности, он усматривает позитивное значение демократического юридического дискурса между различными центрами осуществления государственной власти. По мнению автора, «законодательное решение нуждается в более тонкой юридической надстройке, и ее осуществляют суды, причем с участием широкой юридической общественности, представители которой являются либо истцами, либо ответчиками в суде, либо готовят экспертные заключения. В открытом обществе... осуществляется кристаллизация судебной практики... Внутри «симфонической» судебной власти Российской Федерации происходят взаимодополнение и взаимосдерживание, балансирование и демократические обсуждения в поисках истины» [27. С. 16–28].

Такая позиция является весьма убедительной, согласуется с концепциями разделения властей и парламентаризма. Хотя в современной России далеко не все юридические дискурсы между ветвями власти можно признать завершенными, но отдельные примеры позитивной практики преодоления разночтений имеются.

Так, после неоднократных «перебросов» составов отдельных правонарушений из уголовно-наказуемых в административные деликты и обратно, в практике применения возник вопрос о том, как наказывать правонарушителя, если изменение законодательства в сторону ужесточения произошло в момент привлечения виновного к ответственности? Верховный Суд РФ постановил освобождать от всех видов ответственности [28], а Конституционный Суд РФ указал на недо-

пустимость восприятия закона как освобождающего от ответственности в ситуации не полной декриминализации деяния, а введения более суровой ответственности [29]. Законодатель в этом споре принял позицию Конституционного Суда РФ и внес изменения в КоАП РФ, согласно которым введение уголовной ответственности за административно-наказуемое деяние в период осуществления производства по делу об административном правонарушении будет влечь за собой продолжение процесса привлечения к административной ответственности [30].

В юридической науке иногда предлагается признавать как используемые в России иные источники права, в том числе правовую доктрину и конституционный обычай [31. С. 18–25; 32. С. 12–18]. Однако думается, что такая постановка вопроса преждевременна. Длительно применяемых в конституционной практике процедур еще не сформировалось (некоторые, правда, рассматривают в качестве таковых предложение преемника Президента РФ), и в правовой системе отсутствуют какие-либо гарантии применения подобных устоявшихся правил в будущем. Юридическая наука, хотя и оказывает влияние на формирование правовых предписаний, все же как непосредственный источник права еще не используется. Если же речь ведется о программных документах, именуемых «доктринами», то они принимаются в форме нормативных актов (главным образом в виде указов Президента РФ [33, 34]).

Таким образом, нормативные правовые договоры и нормоориентирующие акты судов допустимо рассматривать как новые источники российского права и в силу этого на них должен распространяться принцип верховенства закона. Однако механизм обеспечения этого верховенства требует специального анализа. В настоящее время в законодательстве практически отсутствуют четкие правила относительно содержания, условий заключения и последствий неисполнения нормативных договоров. Поэтому представляется более оптимальным в публичном праве по возможности использовать для правового регулирования форму нормативного правового акта, поскольку эта форма предполагает более четкие способы обеспечения верховенства права.

Проявление принципа верховенства закона в отношении нормориентирующих актов судов отличается тем, что суд в подобных случаях фактически вмешивается в прерогативу законодателя. Однако это не ведет к нивелированию верховенства закона, а, напротив, повышает его значение, поскольку Конституционный Суд РФ тем самым защищает конституционализм содержания законов, а суды общей юрисдикции и арбитражные суды, признавая нормативные акты недействующими, способствуют укреплению законности в стране, обобщения практики высших судов позволяют единообразно понимать и применять содержащиеся в законе нормы права. Имеющие место расхождения в правовых позициях судов и нормах законов отчасти способны влиять на поиск оптимального правового регулирования через призму взаимодействия различных ветвей государственной власти. Вместе с тем нуждается в более детальной разработке доктрина «самоограничения» судов при их вмешательстве в законотворческую сферу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ» // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти автономной области, автономных округов в составе РФ» // СПС «Консультант Плюс».
3. Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга РФ» // СПС «Консультант Плюс».
4. Аничкин Е.С. Преобразование Конституции РФ и развитие конституционного законодательства в конце 20 – начале 21 в. М. : Юрлитинформ, 2010.
5. Ягудин Ш.Ш. Проблемы договоров о разграничении предметов ведения и полномочий в РФ. 27 мая 2015 г. URL: <http://отрасли-права.рф/article/6659>
6. Федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 02 августа 2019 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
7. Ершова Е.А. Нормативно-правовые соглашения, содержащие нормы трудового права // Российский судья. 2007. № 12.
8. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российский судья. 2013. № 2.
9. Гицу М.А. Судебный прецедент как источник права в свете современных тенденций в России // Государство и право. 2017. № 6.
10. Богдан В.В., Гринёва А.В. О судебном прецеденте как способе минимизации частных и публичных правовых рисков: дискуссионные вопросы // Российский судья. 2018. № 11.
11. Карелина С.А. К вопросу о роли судебной практики в системе источников правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) // Право и экономика. 2017. № 11.
12. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Российская газета. 2016. 1 марта.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02 августа 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 19 декабря 2013 г.) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2005. 19 апр.
16. Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 2.
17. Решение Верховного Суда РФ от 6 июля 2010 г. № ГКПИ10-498 // СПС «Консультант Плюс».
18. Определение Верховного Суда РФ от 21 июля 2010 г. № 78-Г10-13 // СПС «Консультант Плюс».
19. Решение Высшего Арбитражного Суда РФ от 31 октября 2011 г. № ВАС-11752/11 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2011. № 45.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 11 октября 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
21. Определение Конституционного Суда РФ от 14 октября 2004 г. № 326-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подгузова Василия Романовича на нарушение его конституционных прав статьями 63, 142 и 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС «Консультант Плюс».
22. Определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 924-О-О «По жалобе гражданина Козлова Дмитрия Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, пунктом 1 части второй статьи 75, частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» // СПС «Консультант Плюс».
23. Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2011 г. № 1448-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Долотова Владимира Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС «Консультант Плюс».
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
25. Пресняков М. Дискреционные полномочия и правовая определенность // Власть. 2013. № 5.
26. Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права // Государство и право. 2015. № 8.
27. Гаджиев Г.А. Принципы правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4.
28. Постановление Верховного Суда РФ от 05 марта 2013 г. № 8-АД13-1 // СПС «Консультант Плюс».
29. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4657.
30. Федеральный закон от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 42. Ст. 5615.
31. Павликов С.Г. О доктрине как источнике права // Государство и право. 2013. № 6.
32. Денисов С.А. Общая теория имитации конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3.
33. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности РФ» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 20. Ст. 2421.
34. Распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р «Об Экологической доктрине РФ» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 февраля 2020 г.

Normative Legal Agreements and Norm-Orienting Acts of Courts as New Sources of Russian Law: An Analysis Through the Prism of the Rule of Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 241–246.

DOI: 10.17223/15617793/453/29

The article analyzes such new sources of law as normative legal agreements and norm-orienting acts of courts through the prism of the rule of law. The presence of other new sources of law, including legal doctrine, in the Russian Federation is denied. Normative legal agreements are agreements between the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation in the federal sphere, agreements on the transfer of powers or joint actions between various executive authorities, including multilevel ones, as well as between authorities and organizations, labor agreements. At present, the law has practically no clear rules regarding the content, conditions of conclusion and consequences of non-fulfillment of normative agreements. Therefore, it is proposed to use the normative legal act for legal regulation in public law, since this form implies clearer ways to ensure the rule of law. A tendency towards a reduction in contractual regulation in the Russian Federation is also observed. Norm-orienting acts of courts are acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, offering interpretations of constitutional norms, recognizing legal norms as contrary to the Constitution of the Russian Federation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, acts of other higher courts generalizing the practice, decisions of higher and other courts that recognize regulatory acts invalid due to their contradiction to acts of great legal force. The manifestation of the rule of law in relation to norm-orienting acts of the courts is specific: the court in such cases actually intervenes in the prerogative of the lawmaker. However, it is proposed to consider that this does not lead to the leveling of the rule of law, but, on the contrary, increases its importance, since the Constitutional Court of the Russian Federation thereby protects the constitutionalism of the content of laws, courts of general jurisdiction and arbitration courts, when recognizing normative acts as invalid, contribute to the strengthening of the rule of law in the country, and generalizations of the practice of higher courts make it possible to uniformly understand and apply the norms of law contained in the law. Particular attention is paid to the differences in the legal positions of the courts and the norms of laws. In addition to the negative component, it is proposed to perceive a positive component in this fact: the ability of such discrepancies to influence the search for optimal legal regulation through the prism of interaction between various branches of government. At the same time, the need is identified for a more detailed development of the doctrine of “self-restraint” of the courts when they intervene in the legislative sphere.

REFERENCES

1. Konsul'tant Plyus. (1992) *Federation Treaty of March 31, 1992, "Agreement on the Delimitation of Subjects of Competence and Authority Between Federal Bodies of State Power of the Russian Federation and Authorities of Sovereign Republics Within the Russian Federation"*. Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
2. Konsul'tant Plyus. (1992) *Federation Treaty of March 31, 1992, "Agreement on the Delimitation of Subjects of Competence and Authority Between Federal Bodies of State Power of the Russian Federation and Authorities of the Autonomous Oblast, Autonomous Okrugs Within the Russian Federation"*. Moscow: AO "Konsul'tant Plyus".
3. Konsul'tant Plyus. (1992) *Federation Treaty of March 31, 1992, "Agreement on the Delimitation of Subjects of Jurisdiction and Authority Between Federal Bodies of State Power of the Russian Federation and Authorities of the Krai, Oblasts, Cities of Moscow and St. Petersburg of the Russian Federation"*. Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
4. Anichkin, E.S. (2010) *Preobrazovanie Konstitutsii RF i razvitiye konstitutsionnogo zakonodatel'stva v kontse 20 – nachale 21 v.* [Transformation of the Constitution of the Russian Federation and the Development of Constitutional Legislation in the Late 20th – Early 21st Centuries]. Moscow: YurLitinform.
5. Yagudin, Sh.Sh. (2015) *Problemy dogovorov o razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochiy v RF* [Problems of Treaties on the Delimitation of Subjects of Competence and Authority in the Russian Federation]. 27 May 2015. [Online] Available from: <http://otrasli-prava.rf/article/6659>.
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (1999) Federal'nyy zakon ot 06 oktyabrya 1999 g. № 184-FZ (red. ot 02 Avgust 2019) "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub'ektov RF" [Federal Law No. 184-FZ of 6 October 1999 "On the General Principles of Organization of the Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation"]. 42. Art. 5005. (As Amended on August 2, 2019)
7. Ershova, E.A. (2007) *Normativno-pravovye soglaseniya, soderzhashchie normy trudovogo prava* [Regulatory Agreements Containing Labor Law]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 12.
8. Ershov, V.V. (2013) Legal and Individual Regulation of Public Relations as Paired Categories. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 2. (In Russian).
9. Gitsu, M.A. (2017) *Sudebnyy pretsedent kak istochnik prava v svete sovremennykh tendentsiy v Rossii* [Judicial Precedent as a Source of Law in the Light of Modern Trends in Russia]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6.
10. Bogdan, V.V. & Grineva, A.V. (2018) On a Judicial Precedent as a Means of Mitigation of Private and Public Legal Risks: Discussion Issues. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 11. (In Russian).
11. Karelina, S.A. (2017) On the Role of the Judicial Practice in the System of Sources of Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy). *Pravo i ekonomika*. 11. (In Russian).
12. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2002) *Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks RF* ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ (red. ot 26 iyulya 2019 g.) [The Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of 14 November 2002]. 46. Art. 4532. (As Amended on July 26, 2019).
13. *Rossiyskaya gazeta*. (2016) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF* ot 21 yanvarya 2016 № 1 "O nekotorykh voprosakh primeneniya zakonodatel'stva o vozmeshchenii izderzhek, svyazannykh s rassmotreniem dela" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of 21 January 2016 "On Some Issues of the Application of Laws on Reimbursement of Costs Associated With the Consideration of the Case"]. 1 March.
14. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2002) *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh* ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (red. ot 02 Avgust 2019) [The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ of 30 December 2001]. 1 (1). Art. 1. (As Amended on August 2, 2019).
15. *Rossiyskaya gazeta*. (2005) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF* ot 24 marta 2005 g. № 5 (red. ot 19 dekabrya 2013 g.) "O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh u sudov pri primenении Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 5 of the Russian Federation of 24 March 2005 "On Some Issues That Arise in Courts When Applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation"]. 19 April. (As Amended on December 19, 2013)
16. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2010) Federal'nyy zakon ot 28 dekabrya 2009 g. № 381-FZ "Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya trgovoy deyatel'nosti v RF" [Federal Law No. 381-FZ of 28 December 2009 "On the Fundamentals of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation"]. 1. Art. 2.
17. Konsul'tant Plyus. (2010) *Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. GKPI10-498 of July 6, 2010*. Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
18. Konsul'tant Plyus. (2010) *Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of July 21, 2010 No. 78-G10-13*. Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).

19. *Ekonomika i zhizn' (Bukhgalterskoe prilozhenie)*. (2011) Reshenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 31 oktyabrya 2011 g. № VAS-11752/11 [Decision of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. VAS-11752/11 of October 31, 2011]. 45.
20. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2001) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of 18 December 2001]. 52 (I). Art. 4921. (As Amended on October 11, 2018).
21. Konsul'tant Plyus. (2010) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 326-O of 14 October 2004 "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Vasily Romanovich Podguzov on Violation of His Constitutional Rights by Articles 63, 142 and 281 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"*. Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
22. Konsul'tant Plyus. (2007) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 924-O-O of 15 November 2007 "On the Complaint of Citizen Dmitry Kozlov Regarding a Violation of His Constitutional Rights by Paragraph 13 of Part Four of Article 47, Paragraph 1 of Part Two of Article 75, Part One of Article 285 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Clause 1 of Part 1 of Article 6 of the Federal Law 'On the Operative-Search Activity' "*. Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
23. Konsul'tant Plyus. (2011) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1448-O-O of 20 October 2011 "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Vladimir Anatolyevich Dolotov on Violation of His Constitutional Rights by Clause 6 of Part Two of Article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"*. Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
24. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2016) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22 dekabrya 2015 g. № 58 (red. ot 29 noyabrya 2016 g.) "O praktike naznacheniya sudami Rossiyskoy Federatsii ugolovnogo nakazaniya" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of 22 December 2015 (As Amended on November 29, 2016) "On the Practice of Assigning Criminal Punishment by the Courts of the Russian Federation"]. 2.
25. Presnyakov, M. (2013) Discretionary Powers and Legal Definiteness. *Vlast' – The Authority*. 5. (In Russian).
26. Kovtun, N.N. (2015) The Legal Certainty of the Russian Criminal Procedure. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 8. (In Russian).
27. Gadzhiev, G.A. (2012) Principle of Legal Certainty and Its Provision by the Courts. Quality of Laws From Russian Viewpoint. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review*. 4. (In Russian).
28. Konsul'tant Plyus. (2013) *Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation 8-AD13-1 of March 05, 2013*. Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
29. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2015) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14 iyulya 2015 g. № 20-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 2 stat'i 1.7 i punkta 2 stat'i 31.7 Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh v svyazi s zaprosom mirovogo sud'i sudebnogo uchastka N 1 Vykunskogo sudebnogo rayona Nizhegorodskoy oblasti" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 20-P of 14 July 2015 "In the Case of the Constitutionality of Part 2 of Article 1.7 and Paragraph 2 of Article 31.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in Connection With the Request of the Justice of the Peace of Judicial Section No. 1 of the Vyksa Court District, Nizhny Novgorod Oblast"]. 30. Art. 4657.
30. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2014) Federal'nyy zakon ot 14 oktyabrya 2014 g. № 307-FZ "O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh i odel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i o priznanii utrativshimi silu odel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii v svyazi s utocnieniem polnomochiy gosudarstvennykh organov i munitsipal'nykh organov v chasti osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya" [Federal Law No. 307-FZ of 14 October 2014 "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on the Recognition of Certain Provisions of the Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid in Connection With the Clarification of the Powers of State Bodies and Municipal Authorities Regarding the Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control"]. 42. Art. 5615.
31. Pavlikov, S.G. (2013) On Doctrine as a Source of Law. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6. (In Russian).
32. Denisov, S.A. (2018) The General Theory of Constitutional Order Imitation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 3.
33. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2019) Ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2019 g. № 216 "Ob utverzhdenii Doktriny energeticheskoy bezopasnosti RF" [Decree of the President of the Russian Federation No. 216 of 13 May 2019 "On Approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation"]. 20. Art. 2421.
34. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2002) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 31 avgusta 2002 g. № 1225-r "Ob Ekologicheskoy doktrine RF" [Order of the Government of the Russian Federation No. 1225-R of 31 August 2002 "On the Environmental Doctrine of the Russian Federation"]. 36. Art. 3510.

Received: 14 February 2020